

УДК 94(470.55) «1946/1949»
DOI 10.17223/19988613/41/9

А.Н. Федоров

И.М. ЗАЛЬЦМАН И ЧЕЛЯБИНСКИЙ ОБКОМ ВКП(б): ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕСТНЫХ ПАРТИЙНЫХ И ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОРГАНОВ В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

На примере взаимоотношений секретарей Челябинского обкома ВКП(б) и директора Кировского завода И.М. Зальцмана выясняются характер и основные направления сотрудничества партийных и хозяйственных органов в послевоенное время. Особое внимание уделено неформальной группе, в которую ещё во время войны вошли многие руководители Челябинской области и которая до конца 1940-х гг. имела покровителей в высших органах власти. Автор приходит к выводу, что тесное взаимодействие обкома партии, дирекции крупного завода и других властных структур позволяло решать экономические вопросы завода и области, а также прикрывать собственные ошибки и злоупотребления. Однако безусловная и открытая поддержка, которую Челябинский обком ВКП(б) оказывал Зальцману, породила недовольство населения и конфликты среди руководителей области и завода. Информация об этом достигла центра и послужила поводом для снятия Зальцмана и замены партийного руководства области.

Ключевые слова: И.М. Зальцман; Кировский завод; партийные органы; послевоенные годы; Челябинский обком ВКП(б).

Взаимодействие управленческих структур по праву считается одним из важнейших аспектов функционирования системы органов власти. Его анализ позволяет не только выяснить реальный вес различных ведомств, но и выявить линии их сотрудничества и противостояния. Именно поэтому по данной теме появилось немало исторических исследований, в том числе по советской эпохе. В последних работах наибольшее внимание уделяется деятельности партийных органов, являвшихся ядром советской системы власти, и их взаимодействию с Советами, судами, прокуратурой и органами НКВД–МВД [1–4]. А вот отношения партийных руководителей и хозяйственников рассматриваются редко, хотя именно этот тандем разрешал экономические и иные важные вопросы.

Исследователи отмечают, что местные партийные комитеты являлись контролирующей инстанцией по отношению к хозяйственным органам, часто представляли их интересы в центральных структурах [5], а в военное время даже выполняли роли снабженцев и «толкачей» [6]. Но их взаимодействие часто выходило за положенные рамки и приводило к складыванию неформальных групп. Последствия этого могли быть самыми разными – от длительного и благополучного сосуществования до банкротства всего местного руководства. И ярким примером последнего варианта являются взаимоотношения во второй половине 1940-х гг. секретарей Челябинского обкома ВКП(б) и директора Кировского завода в Челябинске Исаака Моисеевича Зальцмана.

И.М. Зальцман в годы войны и после её окончания был видной фигурой не только в области, но и стране. Именно он организовал эвакуацию Кировского завода из Ленинграда в Челябинск, быстро наладил на новом месте поточное производство танков KB-1, выправил дела на заводе № 183, где заваливался выпуск Т-34, а с июля 1942 г. по июнь 1943 г. возглавлял наркомат танковой промышленности. После он вернулся на Кировский завод, который в последние военные годы выпус-

кал танки ИС, а с 1946 г. переключился на производство тракторов. Будучи руководителем крупнейшего предприятия, орденоносцем, Героем Социалистического Труда и лауреатом Сталинской премии, он всегда получал поддержку Челябинского обкома ВКП(б). Причём не только в решении производственных вопросов, но и при урегулировании конфликтов, которые регулярно возникали между директором, местными парторганизациями и работниками завода.

Например, возглавлявший с марта 1940 г. по январь 1942 г. обком партии Г.Д. Сапрыкин предоставил Зальцману полную свободу действий, помогал ему людьми и материалами, необходимыми для строительства танковых цехов. А когда между директором и секретарём Тракторозаводского райкома партии Ф.И. Савиным возникли трения, то принял сторону первого, а второго отправил на фронт [7. Л. 132–132 об.]. Следующий глава Челябинского обкома, Н.С. Патоличев, тоже помогал танкостроителю, поддерживал его инициативы и защищал от критики «снизу» [8. С. 253–254, 258–261; 9. Л. 94, 103]. А в начале 1946 г., несмотря на возражения коллег и недовольство простых горожан, выдвинул кандидатуру Зальцмана в депутаты Верховного Совета СССР и сделал всё необходимое для его избрания [10. С. 101–105]. Весной 1946 г. Н.С. Патоличев перебрался в ЦК ВКП(б), но своему преемнику и протеже А.А. Белобородову наверняка порекомендовал поддерживать директора. И хотя новый первый секретарь испытывал к своему хозяйственнику антипатию и пытался первое время приструнить его [9. Л. 49, 66, 190], он всё же внял совету. Ведь осенью 1946 г., когда недовольные своим положением заводчане пытались привлечь дирекцию к ответственности и ситуация могла выйти из-под контроля и дойти до самого верха, Белобородов отбросил все предубеждения и помог Зальцману [11].

Вопрос о том, почему первый секретарь обкома внезапно поступился принципами и стал абсолютно во всём поддерживать И.М. Зальцмана, является ключе-

вым для понимания дальнейших событий. В феврале 1949 г., когда решался вопрос об освобождении Белобородова от должности, он дал такое объяснение: «Как секретарь обкома и партийный работник я в то время был молодой, опыта в таких вопросах не было, и я долго колебался. С одной стороны, вина Зальцмана перед партийной организацией за своё поведение была совершенно очевидна, и поэтому его надо было по крайней мере наказать. С другой стороны, все его действия и поступки известны были обкому уже на протяжении по крайней мере 4–5 лет. И почему-то таких выводов не делалось, тем более что и руководство было несравненно опытнее меня. Отсюда я делал вывод: значит, я чего-то недоучитываю. Чего же недоучитываю? Видимо и раньше учитывалось, и сейчас надо учесть то положение, что Зальцман – директор крупного завода, Герой, депутат, лауреат, а поэтому нельзя ли попытаться исправить его?» [9. Л. 190]. Понятно, что «молодость» была здесь ни при чём, ведь Белобородов до того, как в ноябре 1941 г. стал председателем облисполкома, успел побывать и первым секретарем райкома, и третьим секретарём обкома партии. Впрочем, рассуждения о некоем неучтённом факторе и статусе Зальцмана тоже не очень убедительны. Скорее всего, осенью 1946 г. информация о ситуации на заводе дошла до Патоличева, возглавлявшего тогда Управление ЦК ВКП(б) по проверке партийных органов, и тот разъяснил своему выдвиженцу, почему нужно поддерживать директора. И, подчиняясь главе неформальной группы, которая сложилась ещё в годы войны и в которую он был вхож, Белобородов быстро «исправился» и впредь оказывал Зальцману всю необходимую помощь.

В 1947 г. положение на заводе несколько выправилось и обком стал содействовать ему в других делах: проводил массово-политическую работу, укреплял трудовую дисциплину, выделял вне очереди металл, детали и вагоны [12. Л. 62–78; 13. Л. 26–35; 14. Л. 7–11]. В свою очередь дирекция тоже отвечала «взаимностью», выделяя сверх плана запчасти, шефствуя над сельскими районами, участвуя в благоустройстве Челябинска и т.д. И неудивительно, что взаимовыгодное сотрудничество руководители скрепляли застольями, которые обычно проходили на даче у Зальцмана [9. Л. 54, 102, 159–160]. Первый секретарь в них не участвовал, но с директором его всё-таки связывал личный «интерес»: на Кировском заводе начальником отдела труда и зарплаты работал его младший брат Фёдор.

Описанное выше сотрудничество было обычным для тех лет, но, видимо, настолько бросалось в глаза, что инспектор ЦК ВКП(б), проверявший в конце 1947 г. работу с кадрами в Челябинской области, в своём отчёте указал: «Тов. Белобородов либерально относится к недостаткам в работе директоров крупных заводов и руководителей строек, особенно к недостаткам в работе т. Носова – директора ММК и т. Зальцмана – директора Кировского завода. Последние из работников обкома партии ни с кем не считаются и имеют дело

только с т. Белобородовым» [15. Л. 134–135]. Впрочем, секретарь ЦК ВКП(б) А.А. Кузнецов ничего страшного здесь не увидел и вместо вызова секретаря обкома партии на заседание ЦК ограничился приватной беседой с ним [Там же. Л. 131, 135]. И вполне возможно, что такой исход дела обеспечили не только московские покровители Белобородова, но и Зальцман, состоявший с Кузнецовым в хороших отношениях.

Вскоре содружество руководителей подверглось серьёзной проверке на прочность. Ведь в 1948 г. Кировский завод, заваливший программу прошлого года (из 6 500 тракторов изготовили 5 751, т.е. 88,5%) [16. Л. 9–10], получил план в 16 500 машин. Зальцман и министерство сделали всё возможное и даже обратились к Сталину, чтобы уменьшить сей план. Но их усилия не увенчались успехом и пришлось изыскивать возможности для его выполнения. Ощутимую помощь в этом с подачи Сталина оказал Совет министров СССР, который 5 апреля и 28 июля 1948 г. принял постановления об увеличении финансирования, поставке сверх плана оборудования, выделении рабочей силы и разрешении изготавливать 50% машин без кабин [17. Л. 82–90; 18. Л. 49–59]. Только всё это завод получил не сразу и не в полном объёме, поэтому покрыть дефицит следовало за счёт других источников. И вот здесь весьма пригодился обком, который 14 апреля 1948 г. предписал полусотне предприятий области в течение года снабжать завод необходимыми материалами, деталями и комплектующими [19. Л. 20–24]. А весной 1948 г. пришлось помогать директору и по партийной линии.

Тогда впервые за восемь лет состоялось важнейшее мероприятие – областная партийная конференция. И многие руководители, отвыкшие за время войны отчитываться перед коммунистами, понимали, что эта конференция может обернуться для них не только критикой, но и другими неприятностями. Такие опасения имелись и у Исаака Моисеевича, хотя на первый взгляд оснований для них не было. Ведь прошедшая в январе заводская партконференция обошлась без эксцессов: вся критика свелась к призывам усилить механизацию, лучше использовать кадры и отказаться от сверхурочных, а в партком Зальцмана избрали с минимальным количеством голосов «против» [20. Л. 122–124, 127–131, 197–198]. Но ещё памятли были волнения заводчан в 1945–1946 гг. и слишком очевиден провал 1947 г., а слухи о стиле Зальцмана, в котором требовательность сочеталась с хамством, доходили даже до столицы. Ведь за два дня до конференции он получил предупреждение от ЦК ВКП(б) как раз за неправильное отношение к начальнику цеха [21. Л. 117–121]. И во избежание неожиданностей директор и первый секретарь разыграли на конференции необычный спектакль.

Сначала Белобородов в своём отчётном докладе акцентировал внимание делегатов на том, что знаменитый завод второй год не справляется с заданиями Правительства. А затем Зальцман, выступивший 19-м по

счёту, согласился с этими упреками и признал вину «руководителей завода». Но вслед за этим разразился критикой в адрес обкома, заявив, что его секретари, «излишне надеясь на силу руководства завода, во многих случаях занимали выжидающую позицию, нерешительно и с опозданием оказывали помощь заводу» и не поставили вопрос о нём перед ЦК ВКП(б). При этом Зальцман «напомнил» Белобородову и всем собравшимся, что в годы войны обком всегда заслушивал завод на бюро и принимал необходимые меры и что «без активной поддержки всей области не может работать наш завод». Далее он принялся рассказывать о доводке нового трактора, контроле над исполнением собственных приказов, увеличении объёмов жилищного строительства и о том, что выпуск тракторов после недавней модернизации пойдёт резко вверх. Одним словом, постарался создать впечатление, что дела вовсе не плохи и план 1948 г. будет выполнен [22. Л. 176–182].

«Смелое» выступление Зальцмана осталось без внимания секретарей, и это значит, что критика в их адрес была частью заранее расписанного сценария. Не последовало отклика и от других делегатов за исключением директора ММК Г.И. Носова, который на самовосхваления коллеги заметил, что «вы подготовку делали несвоевременно», и третьего секретаря обкома партии Г.А. Бездомова, резонно заявившего: «Вчера выступал т. Зальцман, завод которого два года не выполняет план и этим подводит всю страну. Но он делал ударение не на это, а нарисовал кривую роста выпуска тракторов. Невыполнение задания правительства он отодвигает на второй план» [Там же. Л. 200, 238]. Рядовые участники понимали, что для них критика Зальцмана непременно обернётся неприятностями, поэтому переключились на менее статусные фигуры: председателя облисполкома И.В. Заикина, второго секретаря обкома Ф.Н. Дадонова и секретаря обкома по пропаганде А.Г. Лашина.

Отсутствие открытой критики вовсе не гарантировало, что всё пройдёт без «сюрпризов». При обсуждении кандидатов в новый состав обкома Зальцману из зала задали неудобный вопрос: «Почему из наркомов директором завода?» И на него последовал уклончивый ответ: «Это дело ЦК, куда посылают, там я и работаю. За это время претензий никаких не было. Я работал наркомом танковой промышленности. За этот период танковая промышленность себя оправдала. Тов. Молотов шефствовал над нами. Меня послали работать на тяжёлые танки» [Там же. Л. 324]. А по итогам тайного голосования бывший нарком получил 498 голосов «за» и 65 «против» (11,5%). И это был не самый худший результат: упоминавшийся выше Заикин «против» получил 131 голос (23,3%), Лашин – 93 (16,5 %), а Дадонов – 85 голосов (15,1%) [23. 121–124]. Но если учесть, что все остальные шли с большим отрывом от рекорсменов, а о «фокусах» Зальцмана наслышаны были не все делегаты, то его 4-е место было тревожным звоном.

Вряд ли директор задумывался над этим – его захватили более насущные дела. Требовалось заполучить такого главного инженера, который бы наладил и поддерживал на нужном уровне производство на заводе. Следовало провести реконструкцию, без которой нереально было выполнить повышенный план. А ещё понадобилось придумать объяснения по фактам злоупотреблений, которые в апреле и июне 1948 г. обнаружили контролёры Министерства госконтроля. Но эти проблемы Зальцман решил без участия местной партноменклатуры. Её содействие понадобилось лишь в сентябре, когда, вернувшись из отпуска, он в очередной раз оказался в затруднительном положении.

Несмотря на оказанную правительством помощь и проведённую летом реконструкцию, завод так и не увеличил выпуск тракторов и заметно выбился из графика. Проблему попытались решить проверенным способом и обратились к Сталину. Но в этот раз СМ СССР явно не спешил и принял соответствующее постановление лишь 15 ноября 1948 г., когда исправить положение было уже невозможно [24. Л. 53–56, 96–101, 141–145]. А до этого В.А. Малышев, курировавший машиностроение в СМ СССР, и министр транспортного машиностроения И.И. Носенко давили на Зальцмана, требуя немедленно исправить положение. То же самое проделало и бюро обкома, когда разобрало вопрос «О работе Кировского завода» и вместо оказания помощи обязало директора «устранить крупнейшие недостатки в руководстве заводом» [25. Л. 17–22]. Вышестоящему начальству Зальцман перечить не стал, зато в адрес обкомовских работников, среди которых оказались второй секретарь Дадонов и заведующий отделом Руссак, «сделал ряд недопустимых и оскорбительных выпадов». В этой ситуации Белобородов вынужден был хотя бы для виду встать на сторону подчинённых. Поэтому для рассмотрения «хулиганской выходки» создали комиссию, а через неделю, 1 октября 1948 г., утвердили постановление «О непартийном поведении т. Зальцмана И.М.». Правда, это решение стараниями Белобородова оказалось довольно безобидным: дебошира предупредили, что «если он в дальнейшем позволит себе подобное непартийное отношение», его привлекут к ответственности и поставят вопрос о его освобождении перед ЦК ВКП(б) [26. Л. 37].

На этом история не закончилась. Дадонов, недовольный мягкостью шефа, стал конфликтовать с ним, что сказалось на работе аппарата и могло обернуться другими неприятностями. Поэтому Белобородов в конце декабря 1948 г. выехал в Москву и, не посоветовавшись с другими членами бюро обкома, добился того, что своенравного Дадонова заменил надёжный Лесков [9. Л. 81–82, 88–89, 147–149]. Лашин, узнав об этом, в феврале 1949 г. тоже отправился в столицу просить перевода в другое место. Переезжать в бесперспективную для него Кировскую область он отказался, но внезапно выручил «родной» обком, отпустивший его на учёбу в Академию общественных наук. И все остались

довольны: Лашин получил возможность написать диссертацию по юриспруденции, о чём мечтал ещё до войны, а Белобородов избавился от проблемного подчинённого. Ведь тот своими разъездами и заявлениями мог ненароком усугубить положение Зальцмана, которое весной 1949 г. стало весьма шатким.

Дело в том, что с конца 1948 г. вокруг Кировского завода разыгрались невиданные прежде страсти, причём как в Москве, так и в Челябинске. Выше упоминалось постановление Совета министров СССР от 15 ноября 1948 г., по которому завод в который раз получил помощь. Но, по имеющимся данным, сначала планировалось не столько помочь промышленному гиганту, сколько наказать его руководство. А инициатором такого шага оказался Л.М. Каганович, который тогда возглавлял Госснаб. Именно он поднял вопрос о том, что завод не поставляет положенного количества машин. В.А. Малышев сумел перевести разговор с критики на оказание помощи [24. Л. 96–97], но сам факт наступления на Зальцмана свидетельствовал о том, что его положение вдруг оказалось не таким уж прочным. И оно пошатнулось ещё больше, когда подвели итоги 1948 г.: из 16 500 тракторов завод изготовил только 13 230, т.е. выполнил план на 80,2% [27. Л. 6, 22].

На первый взгляд, ничего страшного не произошло: правительство никак не наказало директора и даже пошло навстречу министерству и заводу, снизив план на 1949 г. с 18 500 машин до 17 500. В свою очередь, Зальцман на всех официальных мероприятиях стал заявлять, что в 1948 г. удалось провести модернизацию и новый план будет перевыполнен. Заодно в феврале 1949 г. через Белобородова и Малышева он направил в Комитет по Сталинским премиям заявку на присуждение группе руководителей завода, которую он возглавлял, премии за скоростное освоение трактора «Сталинец-80» в условиях коренной реконструкции [28. Л. 17–18, 32]. Но вскоре выяснилось, что все эти манёвры оказались бесполезны. Ведь 18 февраля 1949 г. СМ СССР объявил выговор Зальцману за «невыполнение заданий правительства по производству танка ИС-4 и за выпуск этого танка со значительными конструктивными и производственными дефектами» [29. Л. 4–11]. В марте прозвучал ещё один тревожный звонок: Сталинскую премию присудили не директору и прочим начальникам, а технологу завода А.М. Иванову, разработавшему и внедрившему новые методы производства гусениц. Наконец, 10 апреля из ЦК ВКП(б) пришла копия письма на имя И.В. Сталина, где излагались примечательные факты нарушения законности и дисциплины на Кировском заводе.

Следует заметить, что в послевоенные годы здесь действительно хватало злоупотреблений и преступных деяний, которые творили как рабочие, так и руководители. Но уголовному преследованию обычно подвергались только первые, поскольку директор завода, пользуясь своим положением и связями, избавлял вторых от наказания. В этом ему содействовали А.А. Белоборо-

дов и прокурор Челябинской области Н.В. Шляев, также входивший в состав той неформальной группы, что сложилась вокруг Н.С. Патоличева в годы войны. Однако осенью 1948 г. прежде «послушная» прокуратура без согласования с обкомом осмелилась завести дело на заводчан, которые выполняли фиктивные заказы на сторону. Среди них оказался десяток начальников цехов и их заместителей, а ущерб, нанесённый ими государству, составил более миллиона рублей. Конечно, «колющенское дело», названное так потому, что заказы выполнялись для завода им. Колющенко, могло привлечь ненужное внимание к Кировскому заводу и ударить по имиджу Зальцмана. Поэтому Белобородов попытался вразумить Шляева, а когда это не удалось, собрал на него компромат и в январе 1949 г., накануне рассмотрения дела в областном суде, направил его в Административный отдел ЦК ВКП(б) [30. С. 21–22].

В этой ситуации Шляев наверняка заручился поддержкой Прокурора СССР, но этого было недостаточно. Требовался «сильный» ход, который выбил бы почву из-под ног Зальцмана и его защитников из числа местного и высшего руководства. И сделал его некто А.М. Зверев. С 1939 г. он работал помощником директора по быту на Челябинском тракторном заводе, в годы войны несколько месяцев проработал заместителем прокурора области, а потом вернулся на уже Кировский завод. В 1947 г. вспыльчивый директор наказал своего помощника за плохое состояние заводских общежитий, понизив до главного истопника и вдвое урезав зарплату. Звереву пришлось уйти с руководящей должности и стать секретарём парторганизации заводоуправления. Но, видимо, обидевшись на такое обхождение, он стал собирать сведения о нарушениях законности на заводе, несколько раз огласил их на заводских мероприятиях и даже пытался от имени рабочих написать об этом Сталину [31. Л. 201]. И хотя в 1948 г. его усилия не возымели успеха, на фоне резонансного «колющенского дела» он предпринял новую попытку скомпрометировать своё начальство.

Нет явных доказательств того, что Н.В. Шляев обратился к бывшему подчинённому за помощью в противодействии могущественному директору. Но известно, что А.М. Зверев, в отличие от многих заводчан, был хорошо осведомлён о том, как протекало рассмотрение «колющенского дела» в областном суде. А заявление на имя И.В. Сталина он отправил 21 февраля 1949 г., т.е. через три дня после того, как СМ СССР объявил выговор И.М. Зальцману за танки. И вряд ли это было простым совпадением. Наконец, до вождя его письмо дошло неожиданно быстро – ровно за 7 дней, – хотя в среднем подобные заявления добивались до такого адресата 2–4 недели. И всё это позволяет предположить, что кто-то заинтересованный действительно помогал низовому партработнику.

Как уже говорилось, дирекция завода узнала о письме только в апреле. Но проблемы из-за него у неё возникли ещё в конце февраля, когда состоялась объ-

единённая заводская и районная партконференция, на которой заводчане не упустили возможности покритиковать начальство. Это видно хотя бы из того, что в прения записались 54 человека (выступили 25) и прошли они оживлённо. Уже первый оратор, агитатор заводской автобазы Перцев, рассказал о том, как руководители завода «пытаются осуществить устройство своих личных дел за государственный счёт». Он поведал о том, что Зальцман пользуется служебным автомобилем для охоты, доставки молока и развоза семьи, а шофёр заместителя директора Шевелева превратился в прислугу его жены. Со слов Перцева, до 70% автопарка в 1948 г. использовалось для личных целей, и это обошлось заводу в 700 тыс. руб., а ещё 500 тыс. было затрачено на содержание семей начальников [32. Л. 37–38]. После него три делегата от цехов упомянули о недостаточной механизации, работе по выходным дням и «растаскивании» ценных кадров, но их замечания до острой критики явно не дотягивали. И только представитель коммерческого управления Баталин огорошил всех заявлением, что завод вряд ли выполнит программу 1949 г. А в качестве аргумента он привёл данные о значительных потерях и перерасходе материалов и деталей [Там же. Л. 48–49]. Далее выступили секретарь райкома, делегаты от других предприятий и отделения милиции, директор школы. Только все они говорили о «своём», и возникло ощущение, что эта конференция, как и предыдущие, пройдёт в режиме отмазывания.

На следующий день обстановка поменялась. Сначала делегат корпусного цеха Мирохин заявил, что с последней конференции стиль управления почти не изменился: как и прежде Зальцман не занимается важнейшим цехом, главный инженер Демьянович говорит правильные вещи, но ничего не делает, зато за три года в цехе сменились 7 начальников [Там же. Л. 62–64]. А вслед за Мирохиным на трибуну поднялся Зверев, который сначала отчитался в работе парторганизации, а потом зачитал две трети своего заявления на имя Сталина, не уведомив, что отправил его в ЦК ВКП(б). Благодаря этому многие из присутствовавших узнали детали «колюшенского дела» и прочих афёры и хищений, происходивших на заводе, и о том, как «все дела при вмешательстве дирекции “благополучно” сведены на нет, а виновные тотчас же или вскоре устраивались с повышением» [Там же. 64–71]. Делегаты настолько заинтересовались всем этим, что дважды продлили Звереву время на выступление и слушали его 45 минут. И такой поворот ободрил некоторых ораторов. Например, представитель цеха № 100 Чернов поведал о том, что ОТК выполняет несвойственные ему функции, что рабочей силы на заводе хватает, но распределяют её неправильно, а из-за плохого ремонта простаивают многие станки. Начальник участка Дятлов пожаловался на то, что в 1948 г. литейщики снизили себестоимость литья и сэкономили 4 млн руб., но от директора получили за это лишь грамоту. А секретарь парторганизации агрегатного цеха Переведенцев затронул проблему

сверхурочных работ, которыми «закрывают наши безобразия организационного и агитационного характера» [Там же. Л. 72–75, 77–78, 83–84].

Последними выступили Зальцман и Белобородов, перед которыми встала дилемма. При представителе ЦК ВКП(б) они не могли дать отповедь критикам, и в первую очередь Звереву. Но и проигнорировать услышанное тоже не могли: это означало бы забвение такого принципа партийной жизни, как самокритика, и грозило обернуться для директора неизбранием в новый состав парткома и райкома. Поэтому Зальцман в своём, по сути, докладе сделал упор на то, что хотя план 1948 г. и не выполнили, но «завод проделал огромную работу». Он подчеркнул, что с 1940 г. предприятие выросло вдвое, а в послевоенные годы по темпам и уровню роста обогнало СТЗ, ХТЗ и ГАЗ. А потом перевёл разговор на «малые» проблемы: слабую работу конструкторов, косность рабочих, не поддерживающих передовую почин, недостаточную вентиляцию в цехах и прочие технические моменты [Там же. Л. 92–106]. В свою очередь, Белобородов начал с того, что указал на главные недостатки в работе завода – невыполнение плана и низкую культуру производства. Заметив, что первый вопрос уже разобран, он взялся за второй и рассказал об огромных потерях деталей (1 797 т) и готовой продукции (646 т), о её низком качестве. Далее разговор пошёл о том, о чём знали и без секретаря: о текучке кадров, трёхсменной работе, малых объёмах жилищного строительства. Но вину за это оратор возложил на обком и горком партии, пояснив, что «мы примирились с этим, мы рассуждали так: завод переживает большие трудности, но вот пройдёт 1948 год, он выйдет на широкую дорогу и мы возьмёмся за культуру, за благоустройство». Впрочем, он оговорился, что и директор не без греха: «...мало занимается отделами, мало занимается экономикой, проявляет поспешность в решениях, касающихся некоторых живых людей». Но поскольку Зальцман уже исправил прежние недостатки, то «исправит и эти недостатки, на которые ему указали на этой конференции» [Там же. Л. 109–113]. И таким образом, Зальцман и Белобородов убили нескольких зайцев: признали свою вину, затронули, правда в смягчённом варианте, те же темы, что и Зверев, и заверили всех, что всё будет исправлено в самое ближайшее время.

Трудно сказать, какое впечатление на делегатов произвели выступления больших начальников, но Зальцмана практически единодушно избрали членом парткома (488 «за» и только 29 «против») и райкома (649 «за» и 12 «против») [Там же. Л. 148]. Правда, Белобородов, проводивший процедуру выборов, всё же подстраховал Зальцмана и с помощью ряда ухищрений не допустил включения в списки голосования дополнительных кандидатур, из-за которых мог выбыть «нужный» кандидат [33. Л. 6, 19–20].

Зальцман вновь вспомнил эту конференцию, когда 10 апреля 1949 г. из Москвы от него затребовали объ-

яснений по поводу письма Зверева. Впрочем, проблему он решил сам и очень оперативно: при помощи доверенных лиц в тот же день составил обширную записку, в которой убедительно опровергались все обвинения, и самолётом доставил в Москву. Его письменные и устные ответы были приняты благосклонно, но на завод всё-таки отправилась министерская комиссия, чтобы проверить факты. Она быстро, довольно формально провела проверку, пришла к «неутешительным» выводам и доложила их в ЦК ВКП(б). Но так как дальнейших распоряжений не последовало, казалось, что опасность для директора миновала [34. С. 110]. Зато Зверев неожиданно узнал, что оказывается летом 1948 г. тракторозаводской райком партии наложил на него серьёзное взыскание – выговор с занесением в учётную карточку, – и поэтому в начале мая отказался выдвигать свою кандидатуру на выборах партбюро заводоуправления. И для него вновь, как два года назад, стал актуален вопрос о трудоустройстве.

Точно не известно, что в это время происходило в обкоме партии. Со слов тех, кто знал подробности дела, там тоже получили копию злосчастного письма (скорее всего, в начале мая) с поручением «разобрать его и принять меры». И, похоже, Белобородов с Лесковым скрыли сей факт от остальных членов бюро обкома, опасаясь, что после столь памятного скандала с участием Зальцмана те решительно выступят против него [9. Л. 69, 122]. Зато 9 мая первый секретарь отправил в ЦК ВКП(б) просьбу «поддержать ходатайство коллектива тракторостроителей» о возвращении заводу довоенного названия – Челябинский тракторный имени Сталина [35. Л. 62–63]. И если бы её удовлетворили, то дальнейшая судьба директора могла сложиться иначе.

Однако скоро выяснилось, что дело набирает обороты. То ли ЦК ВКП(б) не устроил меры, принятые, а точнее не принятые обкомом, то ли обнаружили новые подробности, но в начале июня 1949 г. на завод прибыла вторая, уже цеховская комиссия. В течение двух недель она проверяла документы и опрашивала заводчан. И в этих условиях помощь обкома пришлась как нельзя кстати. Во-первых, члены его бюро не стали обсуждать вопрос о Зальцмане, сославшись на то, что «раз бригада ЦК приехала, то нам поздно выступать со своими предложениями» [9. Л. 37–38]. Хотя одновременно с этим они сняли тоже «неприкасаемого» прежде директора Челябинского металлургического завода Я.И. Сокола. Во-вторых, А.А. Белобородов наверняка повлиял на двух из пяти членов комиссии: парторга ЦК ВКП(б) на Кировском заводе А.Г. Ульяновко и заведующего отделом машиностроения Челябинского обкома Б.В. Руссака. Впрочем, ещё два члена, заведующий сектором Отдела машиностроения ЦК ВКП(б) А.П. Панин и заместитель министра А.И. Мосин, тоже были «своими»: первый хорошо знал директора с военной поры, а второй проводил линию ведомства. Благодаря этому комиссия в своей записке на имя Г.М. Маленкова смягчила факты, добавила всего пару

новых и переложила часть вины с директора на бывшего парторга завода Е.В. Мамонтова, видимо, с его согласия [31. 164–174]. Наконец, обком помог директору избавиться от Зверева и в начале июня перевёл того на Челябинский металлургический завод, причём сделал это вопреки совету руководителя комиссии А.П. Панина [33. Л. 78–79].

Однако все усилия пошли прахом. В Москве и так весьма критично относились к Зальцману, а когда выяснилось, что местное руководство потакало директору и пошло на удаление Зверева, там окончательно убедились в необходимости самых решительных мер. 24 июня Секретариат ЦК ВКП(б) постановил рассмотреть результаты проверки с участием второго секретаря Челябинского обкома Лескова (Белобородов в это время находился в отпуске), Зальцмана и секретаря Челябинского горкома Мамонтова. При обсуждении вопроса в ЦК директор завода с выводами комиссии не согласился, поэтому новая комиссия вновь изучила имеющиеся материалы. И только после этого Зальцман признал вину [9. Л. 161–162]. Но, несмотря на это, Лесков продолжал защищать его и просил оставить на работе директором завода, «заверяя при этом, что он исправится». А вот Мамонтов переменял свою позицию и заявил: «Зальцман работать директором завода не может, потому что сейчас он перестроился в другую сторону, придет на завод, будет всех похлопывать по спине, будет играть хорошего директора и провалит задание» [Там же. Л. 69, 162].

По итогам разбирательств Зальцман лишился поста, Лескова резко раскритиковали, Белобородова вызвали для дачи объяснений о неправильном отношении к уже бывшему директору, а раскаявшегося Мамонтова лишь освободили от должности, хотя сначала планировали «наградить» его ещё и выговором. Заодно на родной завод вернулся правдоруб Зверев [31. Л. 125–126, 130]. И вслед за этим 19–20 июля 1949 г. на заводе прошёл партактив по вопросу «Об антипартийном поведении Зальцмана». В присутствии министра Носенко и представители ЦК ВКП(б) заводчане столь увлеклись разоблачением Зальцмана, что попытались самостоятельно исключить его из партии, но после вмешательства столичных гостей ограничились тем, что попросили ЦК непременно сделать это [33. Л. 1–92]. Но и на этом история не закончилась. Партийному руководству в соответствии с правилами внутрипартийной жизни ещё требовалось публично признать свои ошибки по «делу Зальцмана». Но с этим у секретарей как-то не заладилось.

Белобородов и Лесков о своём протёже вспоминали нехотя и не спешили «принимать меры». Так, на пленуме Челябинского горкома, состоявшемся 28 июля, Лесков очень кратко сообщил о решении Центрального Комитета, сделав акцент на освобождении Мамонтова, а не снятии Зальцмана. При этом он даже не предложил вывести опального директора из состава горкома, и это пришлось сделать по настоя-

нию низовых работников [9. Л. 69–70, 90]. А ещё через полторы недели на областном партактиве Лесков поведал о судьбе Зальцмана только по настоянию рядовых коммунистов. Не проявил расторопности в освещении громкого дела и вернувшийся из отпуска Белобородов. Он не стал устраивать обсуждение по горячим следам и даже не позаботился о том, чтобы поскорее вывести Зальцмана из состава руководящих органов. Только в октябре прошёл пленум, на котором опального хозяйственника наконец-то вывели из членов обкома, замаяв при этом попытки разобрать промашки секретарей [Там же. Л. 86]. Впрочем, самую грубую ошибку Белобородов совершил на партконференции Кировского завода в конце октября 1949 г. Здесь он выслушал все замечания в свой адрес, удержался от нападок на критиков, но ничем не помешал провалу Зверева на выборах парткома, за которого проголосовало лишь 217 человек, а против – 311 [36. Л. 39–41, 53, 101–103, 116–117, 131–132]. Конечно, делегаты сами «прокатали» Зверева, но в Москве это происшествие расценили как очередной зажим критики именно со стороны обкома.

Трудно сказать, что помешало Белобородову изменить своё отношение к Зальцману: психологическая инерция, нежелание разоблачать себя перед лицом парторганизации или надежда, что при помощи высоких покровителей всё закончится благополучно. Но бесспорно то, что отсутствие самокритики стало отягчающим обстоятельством, когда в январе 1950 г. в ЦК ВКП(б), а затем в феврале того же года на пленуме Челябинского обкома партии публично разбирали вопрос о его руководителях. Ведь в перечне «прегрешений» Белобородова и Лескова на первом месте оказалось то, что они «беспринципно относились к безобразиям, которые творил быв. директор завода Зальцман» и «после постановления ЦК ВКП(б) о Зальцмане не сделали необходимых для себя выводов» [37. С. 241]. За это и прочие стандартные провинности их освободили от должностей и направили на менее ответственную работу в другие регионы.

Из всего вышесказанного можно сделать следующие выводы:

1. В военные годы вокруг первого секретаря Челябинского обкома партии Н.С. Патоличева сложилась неформальная группа из партийных работников и хо-

зяйственников, среди которых наиболее видной фигурой являлся директор Кировского завода И.М. Зальцман. Перевод Патоличева в Москву и давние связи И.М. Зальцмана с секретарём ЦК ВКП(б) А.А. Кузнецовым упрочили позиции «челябинской группы» и, несмотря на множество ошибок и упущений, позволили ей продержаться до конца 1940-х гг.

2. Неформальные отношения обусловили то взаимодействие парторганов и дирекции завода, которое позволяло оперативно привлекать местные ресурсы и добиваться помощи центра. К тому же Челябинский обком, используя свой авторитет и административные методы, помогал И.М. Зальцману справиться с возросшей после окончания войны активностью населения, которая могла нанести ущерб имиджу директора.

3. Линия обкома на безоговорочную поддержку И.М. Зальцмана, который славился не только наградами, но и кумовством, злоупотреблениями и грубым поведением, порождала серьёзные конфликты внутри руководства области. Эти конфликты негативно сказались на работе обкома партии и нарушили прежде отлаженное взаимодействие различных структур местной власти, в частности партийных органов и прокуратуры. А попытки решить данные проблемы путём нейтрализации неугодных лиц привели к тому, что информация о проблемах в самом невыгодном для местных властей свете дошла до центра и послужила поводом для серьёзных проверок и жёстких мер.

4. Явное пренебрежение общественным мнением и подавление обкомом любой критики в адрес директора обернулось тем, что низовые структуры, коммунисты и рабочие принялись апеллировать к высшим органам власти. А это только ослабило позиции местного руководства и без того подорванные происходившими в 1948–1949 гг. перестановками в верхах.

5. Следуя групповой дисциплине, руководство области слишком открыто и жёстко защищало Зальцмана даже тогда, когда его дело разбирали в ЦК ВКП(б). По этой же причине они отказались от разоблачений своего соратника и не организовали положенной в таких случаях кампании по развитию критики и самокритики, т.е. нарушили правила тогдашней политической игры. В результате «дело» И.М. Зальцмана вскоре превратилось в «дело» Челябинского обкома, а его руководители лишились своих постов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болдовский К.А. Партийные и государственные органы в системе власти послевоенного СССР // Российская государственность : власть и общество в XX веке. СПб., 2013. С. 104–106.
2. Гаврилов С.О. Территориальные комитеты ВКП(б) и Советы депутатов трудящихся в 1930-е гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 3–2. С. 45–48.
3. Козинцев А.Я. Партийно-советское руководство органами юстиции СССР в 30-е годы XX века // История государства и права. 2011. № 5. С. 19–23.
4. Протасов Е.Т. Верховный Совет Бурятии и укрепление государственной власти в республике в 1938–1994 годах // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 17. С. 12–18.
5. Калинина О.Н. Характер взаимодействия управленческих групп в интересах развития регионов Сибири (вторая половина 1940-х – начало 1960-х годов) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия : история, филология. 2013. Т. 12, № 8. С. 161–167.
6. Панькин И.Д. Организация управления промышленностью Урала накануне и в годы Великой Отечественной войны в современной историографии // Известия Уральского государственного университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2011. № 1. С. 103–112.
7. Объединённый государственный архив Челябинской области (далее – ОГАЧО). Ф. П-122. Оп. 1. Д. 76.

8. Патолічев Н.С. Испытание на зрелость. М., 1977. 270 с.
9. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 14. Д. 2.
10. Сушков А.В., Михалев Н.А. «Я считаю для себя позором состоять членом такого райкома!» И.М. Зальцман и челябинская партноменклатура в середине 1940-х годов // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 14. С. 94–108.
11. Сушков А.В. «И бояться... как бы Зальцман не стёр в порошок!» И.М. Зальцман и челябинская партноменклатура в середине 1940-х годов // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 24. С. 91–109.
12. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 11. Д. 15.
13. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 11. Д. 48.
14. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 11. Д. 95.
15. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 127. Д. 1700.
16. Российский государственный архив экономики (далее – РГЭ). Ф. 8734. Оп. 6. Д. 233.
17. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 340.
18. ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 50а. Д. 2108.
19. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 12. Д. 50.
20. ОГАЧО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 815.
21. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 5.
22. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 12. Д. 2.
23. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 12. Д. 1.
24. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 50а. Д. 2134.
25. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 12. Д. 101.
26. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 12. Д. 108.
27. РГЭ. Ф. 8734. Оп. 6. Д. 383.
28. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 13. Д. 169.
29. ОГАЧО. Ф. Р-792. Оп. 16. Д. 2.
30. Федоров А.Н. Взаимодействие партийных органов и прокуратуры Челябинской области в 1945–1953 годах // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 17. С. 19–24.
31. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 448.
32. ОГАЧО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 896.
33. ОГАЧО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 904.
34. Путь советского офицера: Владимир Дмитриевич Тарасов (1923–1978) / сост., науч. ред. М.С. Салмина, Н.А. Антипин. Челябинск, 2013. 240 с.
35. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 13. Д. 167.
36. ОГАЧО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 897.
37. ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты, 1945–1953 / сост.: В.В. Денисов, А.В. Квашонкин и др. М., 2004. 496 с.

Fedorov Alexey N. Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russia). E-mail: alex_boss@list.ru

I.M. ZALTSMAN AND CHELYABINSK REGIONAL COMMITTEE OF VKP(B): RELATIONSHIP OF LOCAL PARTY AND ECONOMIC BODIES IN THE EARLY POSTWAR YEARS.

Keywords: I.M. Zaltsman; Kirov plant; party bodies; postwar years; Chelyabinsk regional committee of VKP(b).

The character and directions of cooperation of local party and economic bodies in post-war years are shown by the example of relationship of the leadership of Chelyabinsk regional committee of VKP(b) and the director of Kirov Plant I.M. Zaltsman. It is revealed that during the 1940s party bodies and the Director were bound not only official, but also informal relations, which manifested itself in personal service, joint rest etc. A key figure of this informal group was N. S. Patolichev who protected I.M. Zaltsman from criticism and had given him all necessary assistance. In 1946, after N.S. Patolichev's transfer to Moscow, relation between the new head of Chelyabinsk regional committee A.A. Beloborodov and I.M. Zaltsman some time was strained. But thanks to Patolichev's intervention these relations managed relations were normalized and the informal group saved. After that A.A. Beloborodov began actively to help the Director to resolve production issues and those problems that he had with his subordinates and ordinary Communists. This help was the most considerable in 1948 when the Plant received an increased plan with which could not cope on its own. In turn, the plant management has provided substantial assistance to agriculture of the region and the improvement of Chelyabinsk. However unconditional support that the regional committee of VKP(b) provided Zaltsman has generated serious conflicts in leadership of the region (between secretaries of the regional committee and between party bodies and prosecutor's office) and the plant. Information about errors and abuses of Director through various channels began to come to the Central Committee of VKP(b) and personally J.V. Stalin was the cause for serious inspection. During this inspection numerous problems on Kirov Plant were confirmed and it turned out that the regional committee of VKP(b) to justifies the Director. In summer of 1949 Zaltsman was removed from office because he lost his powerful patrons such as A.A. Kuznetsov and N.S. Patolichev and confidence of J.V. Stalin, and protection the local leadership was no longer able effectively to cover his mistakes and abuses. However, following the group solidarity and hope for a favorable outcome of "Zaltsman's affair," the party leadership of the region has not organized a campaign of criticism of former director and have not repented that supports him. As a result, in early 1950 took place "Chelyabinsk case" in which three of five secretaries of the Chelyabinsk Regional Committee of the CPSU (b) lost their jobs.

REFERENCES

1. Boldovskiy, K.A. (2013) [Party and government organs in the power system of the postwar USSR]. *Rossiyskaya gosudarstvennost': vlast' i obshchestvo v XX veke* [Russian statehood: The power and society in the 20th century]. Proc. of the International Conference. May 30–31, 2013. St. Petersburg. pp. 104–106. (In Russian).
2. Gavrilov, S.O. (2012) Territorial committees of All-Union Communist Party of Bolsheviks and Workers' Deputy Councils in the 1930s. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 3-2. pp. 45–48. (In Russian).
3. Kodintsev, A.Ya. (2011) Party-soviet leadership of the agencies of justice of the USSR in 1930-s. *Istoriya gosudarstva i prava – History of State and Law*. 5. pp. 19–23. (In Russian).
4. Protasov, E.T. (2015) The Supreme Council of the Republic of Buryatia and strengthening state power in the republic in 1938–1994. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Chelyabinsk State University*. 17. pp. 12–18. (In Russian).

5. Kalinina, O.N. (2013) Kharakter vzaimodeystviya upravlencheskikh grupp v interesakh razvitiya regionov Sibiri (vtoraya polovina 1940-kh – nachalo 1960-kh godov) [The character of interaction of management groups for development of Siberia (the late 1940th – early 1960th)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: istoriya, filologiya – Vestnik of Novosibirsk State University. History and Philology*. 12(8). pp. 161-167.
6. Pankin, I.D. (2011) Organizatsiya upravleniya promyshlennost'yu Urala nakanune i v gody Velikoy Otechestvennoy voyny v sovremennoy istoriografii [Organization of management of the Urals industry before and during the Great Patriotic War in modern historiography]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*. 1. pp. 103-112.
7. The Joint State Archives of the Chelyabinsk region (OGACHO). Fund P-122. List 1. File 76.
8. Patolichev, N.S. (1977) *Ispytanie na zrelost'* [The maturity test]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury.
9. The Joint State Archives of the Chelyabinsk region (OGACHO). Fund P-288. List 14. File 2.
10. Sushkov, A.V. & Mikhalev, N.A. (2015) "I am ashamed to be a member of such a district committee!" I.M. Zal'tsman and Chelyabinsk party nomenclature in the mid-1940s. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Chelyabinsk State University*. 14. pp. 94-108. (In Russian).
11. Sushkov, A.V. "And they fear... Zaltsman would carve them into mincemeat!" I. M. Zaltsman and Chelyabinsk party nomenclature in the mid-1940s. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Chelyabinsk State University*. 24. pp. 91-109. (In Russian).
12. The Joint State Archives of the Chelyabinsk region (OGACHO). Fund P-288. List 11. File 15.
13. The Joint State Archives of the Chelyabinsk region (OGACHO). Fund P-288. List 11. File 48.
14. The Joint State Archives of the Chelyabinsk region (OGACHO). Fund P-288. List 11. File 95.
15. The Russian State Archives of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 127. File 1700.
16. The Russian State Archives of Socio-Political History (RGAE). Fund 8734. List 6. File 233.
17. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-5446. List 1. File 340.
18. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-5446. List 50a. File 2108.
19. The Joint State Archives of the Chelyabinsk region (OGACHO). Fund P-288. List 12. File 50.
20. The Joint State Archives of the Chelyabinsk region (OGACHO). Fund P-124. List 1. File 815.
21. The Russian State Archives of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 118. File 5.
22. The Joint State Archives of the Chelyabinsk region (OGACHO). Fund P-288. List 12. File 2.
23. The Joint State Archives of the Chelyabinsk region (OGACHO). Fund P-288. List 12. File 1.
24. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-5446. List 50a. File 2134.
25. The Joint State Archives of the Chelyabinsk region (OGACHO). Fund P-288. List 12. File 101.
26. The Joint State Archives of the Chelyabinsk region (OGACHO). Fund P-288. List 12. File 108.
27. The Russian State Economic Archives (RGAE). Fund 8734. List 6. File 383.
28. The Joint State Archives of the Chelyabinsk region (OGACHO). Fund P-288. List 13. File 169.
29. The Joint State Archives of the Chelyabinsk region (OGACHO). Fund R-792. List 16. File 2.
30. Fedorov, A.N. (2015) The interaction of party bodies and Prosecutor's Office of Chelyabinsk Region in 1945–1953. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Chelyabinsk State University*. 17. pp. 19-24. (In Russian).
31. The Russian State Archives of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 118. File 448.
32. The Joint State Archives of the Chelyabinsk region (OGACHO). Fund P-124. List 1. File 896.
33. The Joint State Archives of the Chelyabinsk region (OGACHO). Fund P-124. List 1. File 904.
34. Salmina, M.S. & Antipin, N.A. (eds) (2013) *Put' sovetskogo ofitsera: Vladimir Dmitrievich Tarasov (1923–1978)* [The way of a Soviet officer: Vladimir Tarasov (1923–1978)]. Chelyabinsk: Krai Ra.
35. The Joint State Archives of the Chelyabinsk region (OGACHO). Fund P-288. List 13. File 167.
36. The Joint State Archives of the Chelyabinsk region (OGACHO). Fund P-124. List 1. File 897.
37. Denisov, V.V. et al. (eds.) (2004) *TsK VKP(b) i regional'nye partiynye komitety, 1945–1953* [The Central Committee of the CPSU (b) and regional party committees, 1945–1953]. Moscow: ROSSPEN.